морю красавица. Приехала, и запела она песню, призывать стала она волков-плотников, лис-инженеров, крыс-корабельщиков. Послушались милого голоса звери, сбежались со всего Крыма и закипела работа. Вот уже только оснастка осталась. «Серая гора» вернулся с похода. Узнал он, что бежала пленница, и бросился в погоню со всем войском. Едва успел кораблик спуститься, едва успели строители попрятаться, подбегает полчище к морю, а кораблик уже по морю гуляет, на всех парусах летит к Кавказу. Заревел от гнева медведь и лег на берег воду пить. Видит беглянка плохо дело—вдвое меньше воды осталось, кое-где уже по суху медведи догонять стали. И взмолилась красавица к пролетавшему чародею о помощи. В награду за песню согласился помочь он ей. Поет она песню, колдует колдун, а «Серая гора» чувствует, что камень его спина, что поздно уже. Не может он бежать, камнем скоро весь стал, а медведей его затошнило хлынувшей из пасти водой. С той поры нет в Крыму медведей. С той поры стоит около Гурзуфа каменный медведь Аю-Даг. А князь и красавица приплыли на Кавказ и мирно прожили до смерти.

II

ОДОЛАРЫ

(греческая легенда)

В версте отсюда есть в море две скалы. Называются они Одолары-близнецы. Словно лаская, плещется море об их суровые могучие склоны. Сквозь лазурь вод не видно дна. И вся природа как-то бережна к этим красавцам-скалам. Капли дождя словно миновать их хотят и падают в море вокруг, не задевая скал. Буйные вихри и штормы стихают, приближаясь к ним, луч зари заливают пурпуром и убирает золотом их камни. А соловей в ночной тьме в каждую тихую ночь шлет им свои переливные сладкие трели с вершины утеса. И кажется, будто там далеко веселый пир, и прекрасные музыканты и певцы увеселяют гостей своим пением. Когда же разгуляется буря, когда по раздолью широкому моря запянутся зеленые валы, тогда у скал словно гул, словно стон стоит. Будто кто из темницы рвется. Кто-то сильный, молодой, злою судьбой сраженный. А буря все крепнет, и горе тому, кто решился бы в этот день поплыть к Одоларам. Вдруг страшный, как горный обвал, последний вал потрясает Одолары, тогда громоносное несется из них проклятие и в миг стихает шторм. А давно-давно было время, когда ни Одоларов, ни Гурзуфа не было.

Все вокруг было покрыто дикими, дремучими лесами. Много зверей водилось в тех лесах: и медведи и волки и олени и барсы. Жили тогда только на вершине Аю-Дага. Там стоял грозный замок. Далеко видны были его высокие башни, еще дальше слава неслась о его владетелях князьях Петре и Георгии. Они были близнецы, и мать их, княжна Елена, умирая, завещала им жить в мире и с честью носить отцовские доспехи. Но скучали князья в замках. Вечно в сечах-походах, на охоте, мало жили они во дворце, а когда жили, от подножья и до вершины звенел Аю-Даг музыкой, за несколько верст слышны были ароматы яств и вин. Корабли, которым случалось в те ночи плыть у тех мест, пугались по ночам зарева, отсвета на себе огней замка, огней костров и смоляных бочек. Жили братья дружно, в бою рядом сражались, заслоня щитом один другого. Где меч одного промахнется, там меч другого попадет. Все побережье трепетало от князей Аю-Дага. Богатую добычу брали они в бою. Еще богаче была дань с окрестных селений. Платили князьям окрестные купцы и вином, и камнями восточными самоцветными, и плодами заморскими, и винами из Константинополя и Греции. Много верных было слуг у молодых князей, но вернее всех служил им старый Нимфолис. Страшный вид был у него, борода зеленая, пальцы блестят—словно мокрые, глаза сурово исподлобья смотрят. Зато где ударит его палица из красного коралла, там сотни вояк валятся. Как свистнет старик, так лес к земле пригибается, море рябью в том месте подергивается. И любили и чтили князья Нимфолиса. Во всем слушались его. Никогда не был во вред им совет его. Прошел не один год со смерти княгини Елены. Возмужали князья, красивее их по всему Черноморью не было, да, пожалуй, и не будет. Черные кудри до плеч, глаза словно угли горящие, глянет ласково, словно осчастливит на век, грозно глянет—задрожешь. Страшные, смелые, с гордым взглядом, со смелой поступью, они были любимцами народа и грозой врагов. В одну темную ночь стучит в опочивальню братьев старый Нимфолис. Встают братья и спрашивают: «Что тебе надо, дорогой, зачем разбудил нас?» Печально посмотрел на них старик и сказал: «Я пришел с вами проститься, не уговаривайте меня, не моя на то воля! «А на прощание нате вам по подарку». Поставил он на стол два перламутровых ларца и исчез. Бросились к ларцам, открыли и нашли в одном—костяной жезл с надписью: «Подними его—и расступится море, опусти его—сокроет все в пучине», а в другом ларце—два серебряных крыла тоже с надписью: «Привяжи и понесут

тебя, куда захочешь». Рады были братья волшебным подаркам, да жаль Нимфолиса. Ничего не поделаешь. Потосковали братья и стали жить, но не раз их душевный покой смущал образ печальный Нимфолиса в последнюю ночь. Не раз обрывалась музыка, стихало веселье в залах замка, хмурились, омрачались беспричинной тоской лица прекрасных братьев. Повис туман злой судьбы над Аю-Дагом. Занес господь руку за отчи грехи над князьями. словно мыши в мышеловке метались они, ища утех. В сече, в соколиной удалой охоте—нигде не было им отрады. Одна радость в подарках Нимфолиса. Как взгрустнется братьям, вспорхнет один в голубую высь, а другой по дну таинственному моря с жезлом пойдет, поражая твердой рукой, которая никогда не дрогнула, морских чудовищ! И поразились гости дивным, как сказка, рассказам Петра о далеких странах, дрожали самые храбрые перед чучелами страшных добыч Георгия. Но попрежнему любил народ князей, но попрежнему боялись его недруги, да не прежнее счастье было их уделом. Уж вокруг них стали ходить недобрые слухи про таинственные исчезновения князей из замка. Чтоб конец положить им, чтоб приобрести веселье, решили братья ехать в дальние страны красавиц в жены отыскать. Где красотой не возьмешь, там могучий меч поможет. Взяли силой братья красавиц-сестер из далекого славного города на быстрой реке. Стройные выступали они, что корабль по тихому морю плывет. Не вздрогнет, не оглянется. Гордый взгляд голубых очей, словно небо в жаркий полдень, ни пред кем не потупит. Но силой взятое—не любовью взятое. Гордость—не краса души. Больше прежнего задрожало сердце князей от боли и тоски. И захотели они подвигом иль подарками любовь купить. Пришли к сестрам и говорят: «Не заставляйте нас горевать, не ослабляйте малодушной тоской могучего тела. Скажите, что хотите вы за свою любовь». Гордо сверкнула очами старшая красавица и дерзко ответила. «Нет в вашей власти того, чем могли бы подарить нас, разве к чертогам всевышнего нас поднимете, разве в пучину моря нас опустите, покажете нам их красоты». Промолчала младшая сестра, по всему видно, покорная старшей. Тряхнул кудрями Георгий, смело глянул красавице в очи и сказал: «Будь по твоему, желание твое исполню, но и ты от слов не откажись». На другой день подвязал Георгий коню крылья и поднялся с сестрами в высь; не одно облако задевали они, летя ввысь, не одна молния пролетала мимо них на землю, но все неслись в высь дерзкие сестры. К вечеру словно алмаз засветились ворота райские, слышались

дивные песнопения. Но прынул на них Михаил с огненным мечом и повернул коня. Князь, задрожав, побледнел в первый раз на своем веку. Словно вихрь неслись они вниз. Дух занялся у дерзких сестер, закрылись голубые глаза, без чувств спустил их на землю Георгий. Но очнулись и заговорил в них строптивый дух: «Не поднял нас до чертогов, бежал, как трусливый заяц, как женщина слабая, а не как греческий князь поступил ты, не достоин ты моей любви, но я великодушна, спусти хоть в пучину, доведи до дворца морского царя и получишь мою любовь». Передернуло судорогой незаслуженной обиды лицо Георгия, гневно глянули черные очи, страшно грянул тяжелый меч об пол. Побледнела сестра. Но ничего не сказал благородный грек, гордо вышел из покоя. На другой день запрет Петр колесницу коней и повез сестер к бурному морю. Поднял жезл и расступилась пучина, и повез он их по дну вглубь моря, где дивный высился дворец. Но недалеко отвез их от берега, как явился ему незримый для красавиц Нимфолис в зеленом плаще и сказал: «Друг, ты любимец царя, но ненавистен ему гордый род красавиц, и если не хочешь погибнуть, воротись во дворец!» Ничего не ответил Петр, хлестнул коней быстрых и повернул назад. А сестры злобным хохотом терзали его слух всю дорогу. Приехал Петр и в горе бросился в покои брата. Тот мрачный, как туча, сидел, смотря в даль. И решились братья: хоть ценой жизни, а завоевать любовь красавиц. Поехали вновь оба в море. Напрасно умолял их Нимфолис, напрасно грозил царь морской, безумцы ехали дальше. И разгневался царь пучин, грянул трезубцем в братьев, убил их, но не гибнут без памяти моря любимцы, выросли на том месте Одолары, а в них, как в темнице, ждут избавления неразумные в погоне за женской красотой погибшие Петр и Георгий.